Вестник Череповецкого государственного университета, 2026, № 5 (134), с. 216–232.
Cherepovets State University Bulletin, 2026, no. 5 (134), pp. 216–232.

Научная статья
УДК 81.25
https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17
https://elibrary.ru/fshukn

Способы межъязыковой передачи культурно-маркированной лексики (на примере сказки А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода)

Наталья Михайловна Нестерова[1]✉, Юньсяо Тань[2]
[1,2]Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Пермь, Россия
[1]✉nest-nat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742
[2]xiujun@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391

Аннотация. Статья посвящена проблеме перевода сказок А. С. Пушкина на китайский язык. В ней рассматривается история знакомства китайских читателей с произведениями великого русского поэта, появления первых китайских переводов пушкинских текстов, в том числе и его сказок. Также отмечается уникальность языка сказок А. С. Пушкина, сочетающего две традиции – литературно-поэтическую и фольклорную, которая реализуется за счет использования поэтом культурно-маркированной лексики. В статье представлен сопоставительный семантический анализ исходных единиц, относящихся к данному разряду лексики, и их китайских соответствий, использованных китайскими переводчиками.

Ключевые слова: сказка, А. С. Пушкин, культурно-маркированная лекскика, перевод, межкультурная коммуникация

Для цитирования: Нестерова Н. М., Тань Юньсяо. Способы межъязыковой передачи культурно-маркированной лексики (на примере сказки А. С. Пушкина «О попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода). *Вестник Череповецкого государственного университета*, 2026, № 5 (134), с. 216–232. https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17; EDN: FSHUKN

The ways of inter-language transferring culturally marked vocabulary (based on "The Tale of the Priest and of his Workman Balda" by A. S. Pushkin and its Chinese translation)

Natalya M. Nesterova[1]✉, Yunxiao Tan[2]
[1,2]Perm National Research Polytechnic University,
Perm, Russia
[1]✉nest-nat@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742
[2]xiujun@mail.ru, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391

Abstract. The article explores the problem of translating A. S. Pushkin's fairy tales into Chinese. It examines the history of Chinese readers' acquaintance with the works of the great Russian poet, the

© Нестерова Н. М., Тань Юньсяо, 2026

emergence of the first Chinese translations of Pushkin's texts, and in particular, the translations of his fairy tales. The article highlights the uniqueness of the language in A. S. Pushkin's fairy tales, which combines two traditions: literary poetic and folklore. The latter is realized, among other things, through the use of culturally marked vocabulary. The article presents a comparative semantic analysis of the original units belonging to this category of vocabulary and their Chinese equivalents used by Chinese translators.

Keywords: fairy tale, A. S. Pushkin, culturally marked lexis, translation, intercultural communication

For citation: Nesterova N. M., Tan Yunxiao. The ways of inter-language transferring culturally marked vocabulary (based on "The Tale of the Priest and of his Workman Balda" by A. S. Pushkin and its Chinese translation).. *Cherepovets State University Bulletin*, 2026, no. 5 (134), pp. 216–232. (In Russ.) https://doi.org/10.23859/1994-0637-2026-5-134-17; EDN: FSHUKN

Что за прелесть эти сказки!
А. С. Пушкин

Введение

Сказки великого русского поэта составляют уникальный пласт его наследия. До А. С. Пушкина, как пишет в своей незаконченной работе «Русская сказка» Владимир Яковлевич Пропп, выдающийся русский исследователь фольклора, сказка в русской литературе считалась одним из самых презираемых жанров. Именно А. С. Пушкин, как подчеркивает ученый, был «первым человеком, который от простой крестьянки стал записывать сказки с полным пониманием всей красоты народной сказки». А. С. Пушкин же и ввел подлинную народную сказку в литературный и общественный обиход, раскрыв ее выдающиеся художественные качества[1].

Услышанные сказки поэт трансформировал в литературную стихотворную форму, создавая тексты, в которых присутствуют два компонента – литературно-поэтический и фольклорный. Как известно, «фольклор» (англ. folk – «народ» и lore – «мудрость») – это устное народное творчество. Именно фольклорные тексты считаются трудно переводимыми, так как в них присутствует культурно-маркированная лексика.

Объектом исследования в данной статье выступает культурно-маркированная лексика как феномен, отражающий взаимодействие языка и культуры. Предметом исследования являются способы передачи культурно-маркированных единиц русского языка при переводе на китайский язык. Материалом для анализа послужила «Сказка о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина и ее перевод на китайский язык, выполненный Гэ Баоцюанем. В работе используются методы сопоставительного семантического и лингвокультурологического анализа, позволяющие выявить особенности передачи культурно-специфичной лексики в условиях межъязыковой и межкультурной коммуникации.

[1] Пропп В. Я. Русская сказка. *Пропп В. Я. Собрание трудов*. Москва: Лабиринт, 2022. 412 с.

Китайский исследователь Дэй Цин, говоря о переводе, подчеркивает, что к культурно-маркированной лексике относятся те элементы, которые существуют только в языке оригинала и не имеют точных соответствий в языке перевода[1]. А. С. Пушкиным было написано всего семь сказок. Все они относятся к позднему периоду его творчества, за исключением сказки «Жених», написанной в 1825 г. Остальные шесть были созданы уже в 30-е годы: «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830), «Сказка о медведихе» (1830–1831), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» (1934), «Сказка о золотом петушке» (1834).

Личность А. С. Пушкина и его творчество широко известны в Китае. В настоящее время уже можно говорить о сложившемся китайском пушкиноведении. Первым пушкинским текстом, переведенным на китайский язык, стала «Капитанская дочка» (船长的女儿). Перевод был выполнен Цзи Ихуэем (辑翼翚) в 1903 г. Сейчас на китайский язык переведены все произведения русского поэта, а его творчество изучается не только в школах, но и в университетах.

Основная часть

Имя «А. С. Пушкин» в Китае

Как уже говорилось, первым произведением русского поэта, переведенным на китайский язык, стала «Капитанская дочка» (1903). Это был перевод не с русского языка, а с японского, который, в свою очередь, был сделан с англоязычного варианта. Название звучало настолько странно, что догадаться о том, что является оригиналом, практически невозможно. Звучал китайский вариант названия так – «Русская любовная история Смита и Мэри. Сон бабочки среди цветов». В этом переводе соединились английский и японский варианты пушкинского текста. Так, впервые в китайскую культуру вошло имя «А. С. Пушкин». Интересно отметить, что в китайском языке фамилия поэта имеет четыре варианта.

1. ***普世经 (Пу Шицзин)*:** «Пу» (普) означает «всеобщий», а «Шицзин» (世经) – «мировая классика». Это имя выражает надежду на то, что его произведения станут классикой мирового уровня.

2. ***伯士金 (Бо Шицзинь)*:** «Бо» (伯) – древняя китайская фамилия, также означающая старшего по возрасту. «Ши» (士) имеет значение «образованный человек» или «ученый муж», а «Цзинь» (金) означает «золото». «Ши» (士) и «Цзинь» (金) символизируют «знания, лидерство» и «драгоценный талант» соответственно.

3. ***普世庚 (Пу Шигэн)*:** «Ши» (世) означает «мир» или «общество», «Шигэн» (世庚) можно трактовать как «образец Запада» или «образец пути», где иероглиф «Гэн» (庚) имеет значение, связанное с Западом и дорогой.

4. ***普希金 (Пу Сицзинь)*:** «Си» (希) означает «надежда», а «Цзинь» (金) символизирует «драгоценный талант». Вместе имя «Сицзинь» (希金) отражает ожидания,

[1] Дей Цин. Сравнительное исследование стратегий перевода культурной лексики в «Аналектах Конфуция». *Журнал Цзининского университета*, 2015, № 6, с. 83–86.

связанные с его великим талантом[1]. Этот перевод является наиболее распространенным сегодня.

Итак, мы видим, что даже в самом переводе фамилии «Пушкин» содержится очень высокая оценка русского поэта. Чжан Тефу, известный китайский пушкинист, автор монографии «Пушкин и Китай» (2000), писал, что А. С. Пушкин стал «неотъемлемой частью китайской литературы», что именно благодаря ему в Китае стали развиваться художественное творчество, литературный перевод и литературная критика[2].

Одним из наиболее известных переводчиков произведений А. С. Пушкина является Гэ Баоцюань [戈宝权 – Ge Baoquan] (1913–2000), который в течение долгого времени жил и работал в Советском Союзе. Он хорошо знал русский язык и русскую культуру, а вернувшись в Китай, стал активно заниматься переводом произведений русских писателей на китайский язык (при этом самым главным автором для него был именно А. С. Пушкин). Он подготовил и издал «Собрание сочинений Пушкина», в которое вошли и две сказки, переведенные самим Гэ Баоцюанем, – «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке». Первая из них и является предметом нашего изучения в данной статье.

Сказки А. С. Пушкина в китайской культуре: переводы и рецепция

Как уже говорилось, всего А. С. Пушкиным было написано семь сказок, все они переведены на китайский язык. Истории китайских переводов сказок А. С. Пушкина и их исследованиям посвящена обзорная статья Ван Цинлэ (Wang Qingle) «Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность» (2024)[3]. Автор пишет, что первой сказкой, переведенной на китайский язык, была «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях». Случилось это почти 100 лет назад – в 1928 г., а переводчиком был Ван Цзянь. В 1937 г. был проведен фестиваль, посвященный 100-летию со дня смерти русского поэта, который значительно усилил интерес китайских исследователей к творчеству А. С. Пушкина, в том числе и к его сказкам. Ван отмечает, что в период с 1937 по 2000 гг. пушкинские сказки были полностью представлены китайским читателям. Здесь стоит подчеркнуть особую роль Гэ Баоцюаня, имя которого было упомянуто выше. Другими переводчиками пушкинских сказок были Жэнь Жунжун, Лю Чжаньцю, Чэнь Бочуй, Юнь Цин, Ван Шоужэнь, Гу Юй, Ли Ганг. Помимо переводов началось достаточно интенсивное изучение пушкинского наследия, включая написанные им сказки. Китайские ученые видят пушкинские сказки как «единое целое» и отмечают их метафорич-

[1] Лю Янькунь. *Функционирование творчества А. С. Пушкина в Китае*: дис. … канд. филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 206 с.

[2] Чжан Тефу. *Пушкин и Китай*. Чанша: Юэлу, 2000. 428 с.

[3] Ван Цинлэ. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность. *Вестник РУДН. Серия: литературоведение, журналистика*, 2024, № 2, с. 390–396. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 03.12.2025).

ность и персонализированное значение[1], подчеркивают их «прогрессивное значение для просветительской культуры»[2].

Ван считает, что тематические исследования пушкинских сказок китайскими учеными можно разделить на три категории – культурологические, нарративные и гендерные. В фокусе внимания у китайских исследователей находится и фольклорная сторона сказок – их народный язык. К фольклорным элементам относятся: сюжетные повторы, характерные зачины, магические числа, исполнение желаний, специфические речевые формулы и т. п. К ним же относится и так называемая культурно-маркированная лексика, которая совершенно обоснованно считается серьезной переводческой проблемой. А. С. Пушкин очень активно использовал такую лексику в своих сказках. В нашей работе рассматривается проблема перевода русскоязычных культурно-маркированных единиц на китайский язык на примере китайского перевода пушкинской «Сказки о попе и о работнике его Балде», выполненного Гэ Баоцюанем.

Культурно-маркированная лексика в сказках А. С. Пушкина

Хорошо известно, что национальный язык – это культурный код народа, на нем говорящего. Неразрывная связь языка и культуры привела к появлению новой дисциплины – лингвокультурологии, где языковой знак понимается и как знак культуры.

Культурный код языка особенно ярко проявляется в культурно-маркированной лексике, к которой относят единицы, содержащие определенные национально-культурные компоненты, отражающие уникальные, специфические черты той или иной национальной культуры, образа жизни народа, его традиций. Такие языковые единицы в современной лингвокультурологии и переводоведении получили разные названия – реалии, культуремы, культуронимы, экзотизмы и пр. Всех их объединяет наличие в их значении уникального национального компонента, что и делает их, с одной стороны, труднопереводимыми и / или совсем непереводимыми на другой язык, а с другой – интереснейшим объектом для сопоставительных лингвокультурологических и семантических исследований. Одним из таких исследований пушкинских сказок является работа Г. В. Токарева «Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина»[3]. Автор рассматривает тексты сказок поэта с точки зрения их соответствия фольклорному канону, который подразумевает и особый «народный» язык, его кажущуюся простоту. Приведем слова о пушкинских сказках одного из самых известных российских пушкинистов – Валентина Семеновича Непомнящего, который писал: «Сказки Пушкина – тайна, особенно для того, кто берется их анализировать. Они ошеломляют сочетанием бесшабашного, азартного простодушия,

[1] Лю Вэньфэй. *Читая Пушкина.* Пекин: Народная литература, 2002. 49 с. [刘文飞：阅读普希金，北京：人民文学出版社，2002年，第49页。]

[2] У Сяоду. Творчество Пушкина и идеалы просвещения. *Обучение и исследования*, 2014, № 10, с. 122–125. [吴晓都.普希金的创作与启蒙主义理想 // 学习与探索, 2014, no. 10, pp. 122–125.]

[3] Токарев Г. В. Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина. *Вестник Челябинского государственного педагогического университета*, 2014, вып. 8, с. 338–346.

классической строгости и глубокой, почти скорбной, серьезности и ускользают, как ускользает горизонт. Их дразнящая простота повергает порой в отчаяние»[1].

Для анализа нами была выбрана «Сказка о попе и о работнике его Балде» (1830) и ее китайская переводная версия. Эта сказка широко известна своей потрясающей легкостью языка и остроумием, тем самым «бесшабашным, азартным простодушием», «дразнящей простотой». И эта дразнящая простота звучит с самых первых строк: «Жил-был поп, толоконный лоб…». Один из известнейших исследователей истории русского языка, автор работы «Русский литературный язык первой половины XIX в.» – Л. А. Булаховский – писал: «Вся лексика и фразеология “Сказки о попе…” носит соответствующий характер крестьянского просторечья», а «просторечие этой сказки – в диалогах»[2]. О. И. Зворыгина в своей работе «Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода»[3] подчеркивает, что разговорно-просторечная лексика героев сказки приближает и авторскую речь к народно-разговорной, что создает речевую экспрессию.

Не вызывает сомнений то, что перевод сказок А. С. Пушкина на другие языки является серьезным вызовом для переводчиков, особенно на языки, принадлежащие к другой языковой семье. Таким далеким от русского языка является китайский язык, принадлежащий к совсем иной языковой семье и являющийся языком изолирующим (корневым) в отличие от флективного русского языка. Поэтому нам было особенно интересно провести сопоставительный анализ пушкинского текста и его китайского перевода.

В табл. 1 представлен пушкинский текст, его китайский перевод, выполненный Гэ Баоцюанем (из его работы «Сборник стихотворений Пушкина», 2007), и обратный перевод на русский, сделанный одним из авторов данной статьи – Тань Юньсяо.

[1] Непомнящий В. О сказках Пушкина. *Детская литература*, 1966, № 7, с. 3–10.

[2] Булаховский Л. А. *Русский литературный язык 1-й половины XIX века*: в 2 т., т. 1. Киев: Радянська школа. 1957. 452 с.

[3] Зворыгина О. И. Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2011, № 1 (12), с. 80–87. EDN: OZJMTZ

Таблица 1

«Сказка о попе и о работнике его Балде»: оригинал, китайский и обратный переводы

Оригинал русского языка	Китайский перевод	Обратный перевод
Жил-был поп, Толоконный лоб. Пошел поп по базару Посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда. «Что, батька, так рано поднялся? Чего ты взыскался?» <…> Щелк щелку ведь розь. Да понадеялся он на русский авось <…> Попадья Балдой не нахвалится, Поповна о Балде лишь и печалится, Попенок зовет его тятей; Кашу заварит, нянчится с дитятей <…> Слушай: платить обязались черти Мне оброк по самой моей смерти; Лучшего б не надобно дохода, Да есть на них недоимки за три года. Как наешься ты своей полбы, Собери-ка с чертей оброк мне полный». <…>	从前有个神父， 是个地道的傻瓜。 有一天神父到市场走走， 看看有什么东西好采购。 这时迎面走来了巴尔达， 自己也不知道要去哪儿。 “怎么，神父，你起得这样早？ 你想寻找一些啥?” 〈…〉 弹几下，轻重会各有不同。 于是他指望着俄国人常说的“碰运道”。 〈…〉 神父的老婆对巴尔达赞不绝口， 神父的女儿却为巴尔达担心发愁， 神父的小儿子叫他：“爸爸”； 他既要煮粥，还要照管小孩。 〈…〉 听着：魔鬼们本该向我交纳贡金， 一直要交到我最后死掉登上了天； 再没有比这更好的收入了， 可是他们却已拖欠了三年。 当你吃饱了小麦饭， 就去向魔鬼们给我把全部贡金收清”。 〈…〉	Жил-был один священник, настоящий глупец. Однажды пошел священник на базар, посмотреть, что бы там можно было купить. Тут ему навстречу идет Балда, сам не зная, куда путь держит. «Что, священник, так рано поднялся? Чего ищешь?» <…> Щелчок щелчку рознь. И понадеялся он на русское «Попытать счастья». <…> Жена священника нахваливает Балду, А дочь священника за Балду тревожится и печалится, Малый сын священника зовет его: «Папа»; Ему надо и кашу варить, и за ребенком присматривать <…> Слушай: чертенята должны были платить мне подношение металла, Пока я не умру окончательно и не взойду на небо; Нет дохода лучше этого, Но они уже три года в долгу. Когда ты наешься пшенной кашей, Ступай к чертенятам и собери мне все подношение металла.

Для сопоставительного лингвокультологического семантического анализа из пушкинского текста было выбрано 8 лексических единиц, которые, на наш взгляд, являются культурно-маркированными. Они приведены в табл. 2.

Таблица 2

Культурно-маркированные слова и их китайские переводные соответствия

Исходные слова	Китайские соответствия	Обратный перевод
Оброк	贡金	подношение металла
Поп	神父	священник
Попадья	神父的老婆	жена духовного отца
Каша	粥	каша
Авось	碰运道	попытать счастья / удачу
Подворье	院子	двор
Недоимки	拖欠	просрочка
Балда	巴尔达	балда

Следующим этапом исследования является сопоставительный семантический анализ выбранных слов и их китайских соответствий, использованных переводчиком. Для этого были проанализированы словарные дефиниции русских и китайских лексем из «Толкового словаря современного китайского языка»[1] и «Большого толкового словаря русского языка»[2].

Ниже приведем дефиниции отобранных русских лексических единиц и их китайских переводческих соответствий, а также сравним их с точки зрения культурной семантики.

1. Оброк. В крепостнической России это форма налога с крестьян в пользу помещика. На китайский оно переведено как 贡金 (gòng jīn, букв. «подношение металла»). Изначально этот термин в Древнем Китае обозначал медь – материал для ритуальных треножников-динов, символов власти, а позже стал означать золото и серебро, которые вассалы подносили императорскому двору. Согласно исследованиям, в Китае четко различались «Фу» (赋 – военные повинности), «Шуй» (税 – регулярные внутренние налоги) и «Гун» (贡 – внешняя дань от вассальных территорий). Таким образом, «Гун» – это не внутренний налог (как русский оброк), а политический акт подчинения извне: через «Фу» и «Шуй» управляли «внутренними» землями, а через «Гун» регулировали отношения с «внешним» миром[3].

Представляется, что культурное различие понятий «оброк» и «гунь цзинь» очевидно: «оброк» – это форма внутренней эксплуатации крестьян помещиком, в то время как «гунь цзинь» – это дань и выражение верности вассала центральному двору.

[1] *Толковый словарь современного китайского языка.* 7 издание. Пекин: Издательство Коммерческая пресса, 2016. 1800 с.

[2] *Большой толковый словарь русского языка: А–Я*, составитель, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

[3] Хоу Гуаньсян, Ши Лисюн. Исследование истоков и развития налогообложения. *Новая экономика*, 2016, № 26, с. 47. [侯官响, 石丽雄. 赋税源流考 // 新经济, 2016, no. 26, p. 47.]

2. Поп. В русском фольклоре и разговорной речи часто имеет негативно-окрашенную коннотацию, вызывающую образ жадного и глупого персонажа. Именно таким и является пушкинский герой. Китайский переводческий эквивалент «священник» не имеет такой окрашенности, т. к. является достаточно формальным и уважительным обозначением служителя церкви.

3. Каша и **чжоу.** Оба слова означают блюдо из вареной крупы. Однако в Китае ее основой служит рис (культурный прототип), хотя также используют просо, бобы и др., а в России кашу готовят преимущественно из круп (гречки и др.). Ниже приведем культурные различия данных слов и понятий.

Состав и роль. Китайская каша (чжоу) отличается широким разнообразием добавок (мясо, овощи, сладости) и в традиционной медицине ценится как легкая, целебная пища. Русская каша часто дополняется жирами (масло, молоко) для калорийности и силы, ассоциируясь с физической выносливостью (ср. поговорку: «Мало каши ел»).

Символика. В китайской культуре каша – символ скромности и простоты жизни. В России она отражает народную мудрость, которая передается в русских пословицах. Например: «Щи да каша – пища наша». Данная пословица звучит как декларация национальной идентичности, укорененной в простоте быта и совместном существовании.

В русской культуре есть и другие пословицы со словом **каша**: «Кашу маслом не испортишь» (хорошего не бывает в избытке), «Сам заварил кашу, сам и расхлебывай» (проблемы, созданные своими руками, необходимо решать самому) и др.[1]

Таким образом, можно сказать, что китайская каша ориентирована на внутреннее восстановление, русская – на внешнюю силу и практичность.

4. Авось. Разговорное выражение недостаточно обоснованной надежды, расчета на случай, удачу – «может быть станется, сбудется». «Авось» переведен на китайский как «попытать счастья / испытать удачу» (碰运道). Русский «авось» означает надежду на то, что благодаря удаче или счастливой судьбе удастся что-либо совершить.

Е. Л. Березович отмечает, что «авось» является общепризнанным ключевым словом русской языковой культуры, что отражено в таком устойчивом словосочетании, как «русский авось»[2]. Семантика слова «авось» включает в себя идею «подмены реального труда пустой надеждой и ее ненадежности». Оно подчеркивает безрассудный подход к решению проблем, однако эта тема обычно подается в ироническом, а не в дидактическом ключе[3], что находит яркое отражение в сказках А. С. Пушкина.

[1] *Словарь русского языка*: в 4 томах (Малый академический словарь), под редакцией А. П. Евгеньевой. 1985–1988 гг.

[2] Березович Е. Л. Судьба как время: о темпоральном аспекте рус. Авось. *Филологическая регионалистика*, 2011, № 1, с. 59–63. EDN: TPDHOV

[3] Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 53–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

Культурная и философская глубина этого слова также отражена в произведениях русской литературы. «Авось» выражает фаталистический взгляд на жизнь как на нечто непредсказуемое, где лучшее, что может сделать человек, – это уповать на удачу. Такое отношение многие считают неотъемлемой частью русского характера, аналогичного понятию «судьба». Приведем пушкинские строки из десятой главы «Евгения Онегина»:

Авось, аренды забывая,
Ханжа запрется в монастырь,
Авось по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь
Авось дороги нам исправят <…>[1]

«Авось» может отражать как стойкость перед лицом трудностей, так и пассивный, бездеятельный фатализм, то есть полный отказ от принятия мер для улучшения ситуации и исключительную надежду на удачу. Он, как отмечают исследователи, обладает сложной двойственностью. С положительной стороны, «авось» олицетворяет чистую веру и доверие, способность в последний момент мобилизовать все силы для выполнения невозможной задачи. Однако с отрицательной стороны, он служит оправданием лени и безответственности, перекладывая все обязательства на других или на внешние обстоятельства. Русские пословицы также отражают недоверие к нему: «От авося добра не жди». Кроме того, в статье И. С. Климаса и С. П. Праведникова отмечается, что «авось» часто выступает в паре с «небось» (близким по значению словом, выражающим уверенность и бесстрашие). Эта комбинация отражает «связь необоснованной надежды и бесстрашия в народном сознании»[2].

В качестве переводческого соответствия в китайской версии было выбрано «Попытать счастья» (pèng yùn dào). Это китайское выражение, сфокусированное на действии. В сравнении с «авось», китайское выражение «碰运道» (pèng yùn dào) или «碰运气» (pèng yùn qì) имеет более прямое и конкретное значение. «碰运道» – это глагольное словосочетание, описывающее действие: предпринять попытку при отсутствии полной уверенности в успехе, в надежде на случайный положительный результат. Его смысловой центр – это глагол «попытать» (pèng), то есть «столкнуться, пробовать», что подчеркивает активную попытку соприкоснуться с неопределенной возможностью.

В данном случае можно говорить об определенном семантическом сдвиге при переводе: произошла трансформация от «менталитета» к «действию». При этом переводчику удалось сохранить ключевую мотивацию поведения персонажа – опору

[1] Пушкин А. С. *Евгений Онегин. Пропущенные строфы. Другие редакции и варианты*. Москва: Проспект, 2023, с. 575.

[2] Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 61. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

на случайную удачу, а не на тщательное планирование. Для развития сюжета этот функциональный эквивалент имеет решающее значение, поскольку он позволяет китайскому читателю понять психологию и логику поступков персонажа.

Нужно также подчеркнуть, что «авось» – это устойчивая, внутренняя модель мышления, своего рода «состояние бытия». В свою очередь, «pèng yùn dào» – это разовое, внешнее, «конкретное действие».

Пассивный, покорный судьбе оттенок фатализма, содержащийся в «авось», значительно ослабляется в более активном «pèng yùn dào». Хотя последнее также признает доминирующую роль удачи, но оно в большей степени акцентирует внимание на субъективной попытке – действии «попробовать».

5. Балда. В русском языке является общеупотребительным и означает «дурак», «простофиля», «тупица». Однако в традиции русской народной литературы персонажи с таким именем часто являются воплощением принципа «внешняя глупость скрывает внутреннюю мудрость». Они могут выглядеть простоватыми и наивными, но на деле обладать недюжинным умом, силой и добрым сердцем, олицетворяя собой народную мудрость. А. С. Пушкин напрямую заимствовал этот классический фольклорный образ.

Для китайских читателей, незнакомых с русским языком и культурой, «Балда» – всего лишь странно звучащее иностранное имя. Самый глубокий смысл имени, заключающийся в контрасте между глупостью, мудростью и иронией полностью теряется при переводе. Это типичный пример явления «непереводимости». Если переводить его по смыслу как «дурак» или «великая мудрость», то это разрушит поэтический ритм и целостность имени персонажа. Го Баоцюань использует транскрипцию, что является стандартным подходом. Однако читателям приходится полагаться на пояснения или собственное понимание, чтобы постичь глубинный смысл, скрытый внутри этого имени.

6. Подворье. Как правило, это подчиненное и функционально специализированное подворотное пространство, которое обычно принадлежит основному учреждению (например, монастырю, усадьбе и т. д.) и находится за пределами его центральной зоны, что подчеркивает его зависимый статус и особое назначение (например, для религиозных обрядов, приема гостей или ремесленного производства). Например, исторически созданное монастырем в городе «монастырское подворье» служило как для управления делами на отдаленных территориях, так и для размещения паломников. Двор, напротив, обозначает дворовое пространство в общем смысле – огороженный забором или стеной участок земли вокруг дома или иного здания, имеющий универсальное и самостоятельное функциональное назначение (например, жилой двор у дома). Переводчик Го Баоцюань в данном контексте перевел «подворье» как «двор», исходя из соображений практичности, поскольку для большинства китайских читателей, незнакомых с православной религиозной культурой, такой перевод облегчает понимание.

7. Попадья. В Китае простые люди мало знакомы со славянской и православной культурой. Стереотипное представление о религиозных служителях в Китае – это безбрачие и невозможность вступления в брак, поэтому понятие «попадья» в китайском сознании отсутствует. В китайском языке (и культуре) нет слова, полностью

эквивалентного «попадье», которое объединяло бы религиозный статус, семейное положение и социальную роль. «Попадья» в русском языке – это слово, совмещающее оттенки теплоты, юмора, ностальгии и других эмоций. Прямой перевод «жена священника» лишает его этих эмоциональных красок, но обеспечивает понимание статуса персонажа для читателей.

8. Недоимки. Термин относится к периоду царской России, когда крестьяне были обязаны платить налоги помещику или государству. Они не могли вносить их в полном объеме и вовремя, в результате чего образовывалась задолженность, фактически являющаяся просроченным платежом. Это слово символизирует долговременное экономическое угнетение и бедность крестьянского сословия. В русской народной пословице: «Недоимки растут, а спина гнется», хорошо считывается ощущение беспомощности крестьян перед государственными налогами, именно поэтому в народном сознании это слово имеет негативную эмоциональную окраску (угнетение, несправедливость и т. д.). В русской литературе оно также является значимым символом. Например, в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя умершие крепостные остаются в налоговых списках, образуя «мнимые недоимки». В китайских переводах сказок это слово напрямую передается как 拖欠 (просрочка, задолженность), что выражает лишь самое прямое и поверхностное значение слова, облегчая понимание китайскому читателю, но утрачивая при этом культурно-исторический контекст недоимок, и не передает скрытую в этом слове эмоциональную окраску скорби и боли. «Недоимки» являются языковым отпечатком отношений между государством и крестьянами в условиях крепостного общества, а также важным языковым ключом к пониманию социальной истории дореволюционной России. Эти культурные коннотации в китайской версии перевода, конечно, не отражены.

Проведенный сопоставительный анализ лексем, отобранных из «Сказки о попе и о работнике его Балде», и тех переводных соответствий, которые были использованы в китайском переводе, показал, что именно при переводе культурно-маркированной лексики обнажается культурная «непереводимость», связанная с глубинным различием двух лингвокультур – русской и китайской.

Выводы

Знакомство китайских читателей с литературным наследием великого русского поэта произошло более столетия назад – в 1903 г., когда появился китайский перевод повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», выполненный не с оригинала, а с японского языка. С тех пор ситуация значительно изменилась, имя А. С. Пушкина стало хорошо известно в Китае, сложилась китайская традиция перевода, оформилась группа переводчиков, работающих непосредственно с русским языком, сформировалось и китайское пушкиноведение. Большая заслуга в этом принадлежит Гэ Баоцюаню, который много сделал для «вписывания» имени А. С. Пушкина и его произведений в китайскую культуру, включая и пушкинские сказки. Сегодня все семь сказок переведены на китайский язык; особой популярностью пользуются две – «Сказка о попе и о работнике его Балде» и «Сказка о рыбаке и рыбке», впервые переведенные именно Гэ Баоцюанем.

Перевод сказок представляет собой сложнейшую задачу для переводчиков, в том числе и из-за их особого языка, сочетающего пушкинское уникальное поэтическое мастерство и элементы народного фольклора, к которым относится и культурно-маркированная лексика. Последняя традиционно считается труднопереводимой, т. к. культурно-маркированные лексические единицы в силу своей уникальности не имеют точных соответствий в языке перевода. Лингвокультурологический сопоставительный анализ лексем, относящихся к культурно-маркированной лексике, и их переводных соответствий позволяет эксплицировать эту «непереводимость» и продемонстрировать существенные культурные различия между Россией и Китаем, с одной стороны, а с другой – исследования подобного рода, вскрывая эти различия, помогают понять чужую культуру, расширить представления о ней, а также способствуют более эффективной межкультурной коммуникации.

Проведенный в данной работе сопоставительный анализ культурно-маркированной лексики «Сказки о попе и о работнике его Балде» и ее китайского перевода позволяет сделать следующие выводы относительно переводческих решений автора китайской версии.

1. Гэ Баоцюань использовал комплекс приемов:

– транскрипцию (Балда → 巴尔达, поп → 神父) с заменой на коннотативно нейтральный эквивалент;

– функциональную замену (оброк → 贡金, где реалия русской феодальной системы передана через понятие дани в китайской традиции);

– нейтрализацию (попадья → «жена священника», подворье → «двор», недоимки → «просрочка»).

Каждый из этих приемов позволил сохранить фабульную логику, но привел к неизбежным смысловым и стилистическим трансформациям.

2. Наиболее отчетливо «непереводимость» проявилась в передаче слов «авось» и «Балда». В первом случае русское концептуальное слово, отражающее фаталистическую модель поведения, было заменено глагольным выражением 碰运道 («попытать счастья»), что смещает акцент с ментальной установки на конкретное действие. Во втором транскрипция имени Балда (巴尔) лишает китайского читателя той иронической двойственности (внешняя глупость / внутренняя мудрость), которая составляет суть фольклорного образа. Анализ единиц «оброк», «каша», «недоимки» также показал, что даже при наличии словарных соответствий за ними стоят различные исторические, бытовые и аксиологические контексты, которые не могут быть переданы полностью в переводе.

3. Проведенный сопоставительный анализ русских культурно-маркированных единиц и их китайских переводческих соответствий подтверждает, что перевод культурно-маркированной лексики требует не столько поиска формальных эквивалентов, сколько осознанного выбора между сохранением национального колорита (например, через транскрипцию с комментарием) и доступностью текста для иноязычного читателя. Решения, принятые Гэ Баоцюанем, ориентированы в первую очередь на гладкость повествования и понятность сюжета, что оправдано задачами художественного перевода, но приводит к редукции культурно-исторических коннотаций оригинала.

Таким образом, исследование конкретных лексических единиц пушкинской сказки демонстрирует, что за каждым, казалось бы, незначительным выбором переводчика стоит сложный механизм «согласования» двух лингвокультур. Выявление таких механизмов не только проясняет природу «непереводимости», но и способствует более точному пониманию как пушкинского текста, так и культурных кодов, лежащих в его основе. Дальнейшие сопоставительные работы на материале других сказок А. С. Пушкина позволят расширить полученные наблюдения и выявить общие закономерности передачи фольклорно-поэтического языка в китайских переводах.

Список литературы / References

Березович Е. Л. Судьба как время: о темпоральном аспекте рус. Авось. *Филологическая регионалистика*, 2011, № 1, с. 59–63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sudba-kak-vremya-o-temporalnom-aspekte-rus-avos (дата обращения: 10.09.2025). EDN: TPDHOV

Beriozovich E. L. Fate as the time: On the temporal aspect of the Russian “Avos”. *Philological Regional Studies*, 2011, no. 1, c. 59–63. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/-sudba-kak-vremya-o-temporalnom-aspekte-rus-avos (accessed: September 10, 2025). (In Russ.) EDN: TPDHOV

Булаховский Л. А. *Русский литературный язык 1-й половины XIX века*: в 2 т., т. 1. Киев: Радянська школа. 1957. 452 с.

Bulakhovskii L. A. *Russian literary language of the 1st half of the XIX century*: In 2 vol., vol. 1. Kiev: Radians’ka shkola. 1957. 452 p.

Ван Цинлэ. Исследование пушкинских сказок в Китае: история и современность. *Вестник РУДН. Серия: литературоведение, журналистика*, 2024, № 2, с. 390–396. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost (дата обращения: 03.12.2025).

Wang Qingle. The study on Pushkin’s fairy tales in China: History and modernity. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2024, no. 2, pp. 390–396. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-pushkinskih-skazok-v-kitae-istoriya-i-sovremennost. (accessed: December 3, 2025). (In Russ.)

Гэ Баоцюань. *Сборник стихотворений Пушкина*. Пекин: Социальные науки Китая, 2007. 264 с. [戈宝权. 普希金诗集. 北京: 中国社会科学出版社, 2007. 264 p.]

Ge Baoquan. *Pushkin’s Collection of Poems.* Beijing: China Social Sciences Press, 2007. 264 p. (In Russ.)

Дей Цин. Сравнительное исследование стратегий перевода культурной лексики в «Аналектах Конфуция». *Журнал Цзининского университета*, 2015, № 6, с. 83–86. [戴静. 《论语》中文化词汇翻译策略对比研究——以辜鸿铭、刘殿爵、威利和许渊冲《论语》英译本为例[J]. 济宁学院学报, 2015, no. 6, pp. 83–86.]

Dai Jing. A Comparative study of cultural vocabulary translation strategies in the analects of Confucius. *Journal of Jining University*, 2015, no. 6, pp. 83–86. (In Russ.)

Зворыгина О. И. Лексическая организация русской литературной сказки пушкинского периода. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*, 2011, № 1 (12), с. 80–87. EDN: OZJMTZ

Zvorygina O. I. Lexical organization of the Russian literary tale of Pushkin's period. *Bulletin of Surgut State Pedagogical University*, 2011, no. 1 (12), pp. 80–87. (In Russ.) EDN: OZJMTZ

Климас И. С., Праведников С. П. «Авось» в русском фольклоре. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 2024, № 4 (55), с. 53–64. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (дата обращения: 10.09.2025).

Klimas I. S., Pravdenikov S. P. "Avos" in Russian folklore. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 2024, no. 4 (55), pp. 53–64. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/avos-v-russkom-folklore (accessed: September 10, 2025). (In Russ.)

Лю Вэньфэй. *Читая Пушкина.* Пекин: Народная литература, 2002. 49 с. [刘文飞：阅读 普希金，北京：人民文学出版社，2002年，第49页。]

Liu Wenfei. *Reading Pushkin.* Beijing: Narodnaia literatura, 2002. 49 p. (In Russ.)

Лю Янькунь. *Функционирование творчества А. С. Пушкина в Китае*: дис. … канд. филол. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019. 206 с.

Liu Yankun. *The functioning of A. S. Pushkin's creative works in China*: Cand. thesis in Philological Sciences. Perm: Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, 2019. 206 p. (In Russ.)

Пропп В. Я. Русская сказка. *Пропп В. Я. Собрание трудов*. Москва: Лабиринт, 2022. 412 с.

Propp V. Ia. Russian fairy tale. *Propp V. Ia. Collected works*. Moscow: Labirint, 2022. 412 p. (In Russ.)

Токарев Г. В. Лингвокультурологические особенности сказок А. С. Пушкина. *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*, 2014, № 8, с. 338–346. EDN: TCEEGT

Tokarev G. V. Linguistic and cultural peculiarities of fairy tales by A. S. Pushkin. *The Herald of South-Ural State Humanities-Pedagogical University*, 2014, no. 8, pp. 338–346. (In Russ.) EDN: TCEEGT

У Сяоду. Творчество Пушкина и идеалы просвещения. *Обучение и исследования*, 2014, № 10, с. 122–125. [吴晓都.普希金的创作与启蒙主义理想 // 学习与探索, 2014, no. 10, pp. 122–125.]

Wu Xiaodu. Pushkin's creative work and enlightenment ideals. *Study & Exploration*, 2014, no. 10, pp. 122–125. (In Russ.)

Хоу Гуаньсян, Ши Лисюн. Исследование истоков и развития налогообложения. *Новая экономика*, 2016, № 26, с. 47. [侯官响, 石丽雄. 赋税源流考 // 新经济, 2016, no. 26, p. 47.]

Hou Guanxiang, Shi Lixiong. Research on the origins and development of taxation. *New Economy*, 2016, no. 26, p. 47. (In Russ.)

Чжан Тефу. *Пушкин и Китай*. Чанша: Юэлу, 2000. 428 с. [张铁夫. 普希金与中国 // 长沙: 岳麓书社, 2000. 428 p.]

Zhang Tiefu. *Pushkin and China.* Changsha: Yuelu Publishing House, 2000. 428 p. (In Russ.)

Чэнь Си, Гэн Е, Ма Ин, Ван Кэцзюань, Чэн Вэй. Анализ культурного значения каши (чжоу) в китайском буддизме и даосизме. *Междисциплинарные научные письма*, 2024, т. 8, № 1, pp. 20–23. [陈希, 耿烨, 马莹, 王克娟, 程伟. 我国佛教与道教的粥文化探析 // 交叉科学快报 2024, т. 8, no. 1, с. 20–23.]

Chen Xi, Geng Ye, Ma Ying, Wang Kejuan, Cheng Wei. Analysis of the cultural significance of porridge (Zhou) in Chinese Buddhism and Taoism. *Interdisciplinary Scientific Letters*, 2014, vol. 8, no. 1, pp. 20–23. (In Russ.)

Словари / Dictionaries

Большой толковый словарь русского языка: А–Я, составитель, главный редактор – С. А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998. 1534 с.

Large Explanatory Dictionary of the Russian Language: A–Ya, Compiler and editor-in-chief: S. A. Kuznetsov. St Petersburg: Norint, 1998. 1534 p. (In Russ.)

Толковый словарь современного китайского языка. 7 издание. Пекин: Издательство Коммерческая пресса, 2016. 1800 с.

Explanatory Dictionary of Modern Chinese. 7th edition. Beijing: Izdatel'stvo Kommercheskaia pressa, 2016. 1800 p. (In Russ.)

Словарь русского языка: в 4 томах (Малый академический словарь), под редакцией А. П. Евгеньевой. 1985–1988 гг.

Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes (The Small Academic Dictionary); edited by A. P. Evgenieva. 1985–1988. (In Russ.)

Сведение об авторах

Наталья Михайловна Нестерова – профессор, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742, nest-nat@yandex.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, пр-т. Комсомольский, 614990 Пермь, Россия); **Natalya M. Nesterova** – Professor, https://orcid.org/0000-0001-9064-6742, nest-nat@yandex.ru, Perm National Research Polytechnic University (29, pr. Komsomolsky, 614990 Perm, Russia).

Юньсяо Тань – аспирант, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391, xiujun@mail.ru, Пермский национальный исследовательский политехнический университет (д. 29, пр-т. Комсомольский, 614990 Пермь, Россия); **Yunxiao Tan** – Postgraduate Student, https://orcid.org/0009-0000-5602-0391, xiujun@mail.ru, Perm National Research Polytechnic University (29, pr. Komsomolsky, 614990 Perm, Russia).

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.12.2025; одобрена после рецензирования 27.04.2026; принята к публикации 26.05.2026.

The article was submitted 08.12.2025; Approved after reviewing 27.04.2026; Accepted for publication 26.05.2026.